

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: УЧЕНЫЕ ИЗ РОССИИ И СССР В КОМИТЕТЕ ЛИГИ НАЦИЙ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ

Аннотация

В статье рассматривается участие отечественных ученых в Международном комитете Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству (далее — Комитет). Подробно рассмотрен процесс включения Валериана Валериановича Оболенского (1887–1938, псевдоним — Н. Осинский) представителем СССР в состав Комитета. Также представлен анализ архивных документов, который подтверждает участие Петра Бернгардовича Струве (1870–1944), Алексея Степановича Ломшакова (1870–1960), Алексея Николаевича Анцыферова (1867–1943) в составе Комитета. Также на основе анализа публикаций в печатных изданиях делается вывод о попытках включить таких известных русских и советских ученых, как Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) и Евгений Викторович Тарле (1874–1955) в состав Международного института интеллектуального сотрудничества (исполнительный орган Комитета).

В статье подчеркивается значимость изучения исторического наследия в условиях современных глобальных и геополитических вызовов, в том числе опыта международных научных и интеллектуальных связей между отечественными и зарубежными учеными.

Ключевые слова: Международный комитет Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству, история научной дипломатии, научная дипломатия, В.В. Оболенский, П.Б. Струве.

Автор

Горохов Андрей Анатольевич

Главный редактор журнала «Русская политология»,
кандидат политических наук
(Москва, Россия)

В центре внимания настоящей статьи — участие отечественных ученых в Международном комитете Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству. Напомним, что в 1921 году по предложению лауреата Нобелевской премии мира Леона Виктора Огюста Буржуа (1851–1925) был учрежден Комитет Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству¹ (далее —

Комитет), а чуть позже, в 1926 году, в Париже, постоянный орган комитета — Международный институт интеллектуального сотрудничества.

Особое место в статье занимает подробное рассмотрение процесса включения в состав Комитета Валериана Валериановича Оболенского (1887–1938; псевдоним — Н. Осинский), представляющего СССР. Анализируется, какие процедурные, дипломатические и идеологические факторы сопровождали этот процесс. Настоящее исследование опирается на анализ архивных документов, хранящихся в фондах ООН (Архив ООН в Женеве, Архив ЮНЕСКО),

¹ Подробную информацию об учреждении Комитета по интеллектуальному сотрудничеству Лиги Наций и об участии в нем Альберта Эйнштейна см.: Горохов А.А. История научной дипломатии: Альберт Эйнштейн и Международный комитет Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству // Русская политология. — 2025. — № 1 (34). — С. 5–28.

а также на публикации в печатных изданиях того времени.

Цель статьи — на основе анализа архивных документов ООН и печатных источников реконструировать и оценить участие отечественных ученых в работе Комитета.

Методологически работа сочетает источниковый подход с институциональным и биографическим анализом. Используются протоколы и переписка Комитета, официальные документы и публикации в периодической печати. Такой комплекс источников дает возможность не только реконструировать формальные процедуры включения в международные структуры, но и выявить неформальные каналы коммуникации, а также конфликты и компромиссы, обусловленные идеологическими и дипломатическими факторами.

Интеллектуалы из России и Международный комитет Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству

Тема ученых из России поднималась в рамках деятельности Комитета уже на второй сессии (26 июля — 2 августа 1923 г.), когда был рассмотрен вопрос о помощи эмигрантам-интеллектуалам из России. По данному вопросу докладывал член Комитета Гонзаге Де Рейнольд¹, который отметил, что «*рассматривая вопрос об интеллигенции из числа русских беженцев, у него сложилось впечатление, что он оказался свидетелем настоящей трагедии. Более двух миллионов русских беженцев были разбросаны по разным странам Европы, и среди них было пятнадцать тысяч студентов и пятьсот профессоров и ученых мужей, находившихся в состоянии крайней нищеты. Представители интеллигенции из числа русских беженцев пытались реорганизовать*

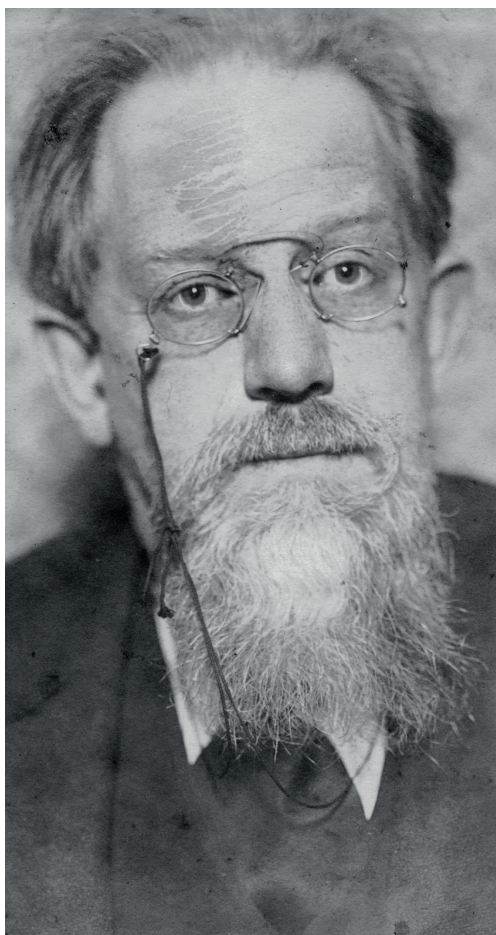
русскую интеллектуальную жизнь за рубежом. Они делали все возможное, чтобы продолжать свою работу, оказывать друг другу взаимную поддержку и помогать студентам... Беженцы, как правило, испытывали самые серьезные финансовые трудности. Мужчины, те, кто занимал самые высокие посты в своих странах, умирали с голоду из-за нехватки одного-двух долларов в месяц. Невозможно было оставаться равнодушным при виде такого бедствия» [7].

Гонзаге Де Рейнольд подготовил предложения, которые представил Комитету. Во-первых, в общей схеме национальных комитетов было предложено создать Комитет русских беженцев на базе Союза русских академических организаций в Праге. Здесь необходимо заметить, что в целях развития деятельности Комитета создавались национальные комитеты по интеллектуальному сотрудничеству. По состоянию на 1927 год национальные комитеты существовали в следующих странах: Австралия, Австрия, Бельгия, Боливия, Бразилия, Болгария, Чили, Куба, Дания, Эстония, США, Финляндия, Франция, Великобритания, Греция, Венгрия, Италия, Япония, Латвия, Литва, Люксембург, Норвегия, Панама, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Сальвадор, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Швейцария, Швеция, Чехословакия [9].

При этом национальные комитеты формировались в каждой стране по-разному. В Австрии в национальный комитет входили представители ведущих научных учреждений и ассоциаций страны, в Польше национальный комитет был сформирован Фондом Мянковского (Фонд поощрения научной работы) в сотрудничестве с польской Академией; в Румынии инициатива принадлежала румынской Академии и т.д. [9].

Во-вторых, Гонзаге Де Рейнольд предложил, чтобы Комитет русских беженцев выбрал в качестве своего

¹ Гонзаге де Рейнольд (1880–1970) — шведский писатель, историк, педагог и политик.

Петр Бернгардович Струве (1870–1944)

представителя русского ученого из числа тех, чье материальное положение было особенно неустойчивым. Для принятия решения по вопросам русских эмигрантов Комитет создал подкомитет в составе Гонзаге Де Рейнольда, а также нидерландского физика-теоретика, лауреата Нобелевской премии по физике Хендрика Антона Лоренца (1853–1928) и представителя секретариата Лиги Наций, польского историка Оскара Халецки (1891–1973).

В результате работы подкомитета Гонзаге Де Рейнольд предложил следующую резолюцию, которая была принята единогласно:

«1) Комитету по интеллектуальному сотрудничеству установить отношения с Представительством Союза русских

академических организаций в Праге и предложить ему создать или стать «Комитетом интеллектуального сотрудничества русских эмигрантов», подобным тем, которые уже созданы в Австрии, Венгрии, Польше и т.д., фактически, во всех странах Восточной Европы. Таким образом, интеллектуалы из числа русских эмигрантов будут пользоваться преимуществами, которые, несомненно, предоставит кооперативная система, как только она будет организована повсеместно.

2) Комитет по интеллектуальному сотрудничеству назначит своим корреспондентом или экспертом российского ученого, который будет отобран из числа тех, чья квалификация является самой высокой и чье материальное положение особенно неустойчиво.

3) Попросить Российский академический союз представить подробный отчет по распределению российских студентов по университетам и техникумам с целью принятия решения о том, нельзя ли более подходящим образом распределить их по высшим учебным заведениям. Во многих из этих учебных заведений мало или вообще нет русских студентов, хотя они вполне могли бы их принять, в то время как в некоторых других их, возможно, слишком много.

4) Чтобы дать возможность российским ученым продолжить учебу или исследования за рубежом, Лига Наций направит им рекомендательные письма для оказания содействия при выполнении визовых формальностей и получении паспортов. Эти ученые должны быть рекомендованы Лиге Наций Офисом Академического союза, который предоставит Лиге все необходимые сведения об их личности, их работе, научной цели и продолжительности их поездок и т.д.» [7].

На третьей сессии Комитета (5–8 декабря 1923 г.) [8] в списке национальных комитетов присутствовала Россия (Комитет для русских эмигрантов).

Представлял этот Комитет Петр Бернгардович Струве¹ (1870–1944), представленный как профессор русского юридического факультета в Праге; член Российской академии наук. В рамках работы сессии П.Б. Струве предложил Комитету создать бюро, задачей которого было бы выступать в качестве посредника при публикации оригинальных научных работ, рекомендованных соответствующими национальными комитетами. П.Б. Струве пояснил членам Комитета, что «после войны некоторые периодические издания исчезли, и возникла значительная неопределенность в отношении публикаций. Люди науки были вынуждены искать новые страны и устанавливать для себя новые контакты» [8]. В обсуждении предложения Струве принимала участие в том числе и Мария Склодовская-Кюри (1867–1934). По итогам обсуждения предложение было передано подкомитету по библиографии со следующей резолюцией: «Комитет по интеллектуальному сотрудничеству просит Подкомитет по библиографии изучить методы облегчения печати оригинальных научных работ и распространения опубликованных работ на общеупотребительном языке» [8].

В списке национальных комитетов от 1934 года значится Комитет по работе с русской эмиграцией, который возглавлял на тот момент Алексей Степанович Ломшаков² (1870–1960). В списке

национальных комитетов он обозначен как председатель бюро Союза русских академических организаций за границей [12]. При этом корреспонденция комитета отправлялась Алексею Николаевичу Анцыферову³ (1867–1943), председателю Русской академической группы в Париже [12].

Проблематика эмиграции русских интеллектуалов является отдельной темой, которая не входит в объект настоящей статьи. При этом считаем необходимым отметить вклад русских интеллектуалов в европейскую культуру, об этом аспекте очень образно и точно высказался шведский славист и писатель Стаффан Скотт: «Немало русских, брошенных судьбой на чужбине и часто замалчиваемых или оболганных, обогатили западную культуру — порой на Западе и не подозревали об этих русских корнях. Кто из жителей Запада знает, например, что всемирно известный французский кинорежиссер Жак

нического института в Санкт-Петербурге, с 1903 по 1917 возглавлял кафедру паровых котлов. Председатель Союза инженеров. Член правления Общества технологов. Модели котлов системы Ломшакова получили в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже высшую награду. В 1906 г. избран в Государственную думу I созыва. После Октября 1917 г. поддержал Белое движение, стал членом правительства генерала Деникина. Эмигрировал в Чехословацкую Республику. Являлся научным и техническим консультантом заводов «Шкода», профессором Чешского высшего технического училища. В мае 1921 года организовал и возглавил «Общество русских инженеров и техников в Чехословацкой Республике». В 1930-е годы возглавлял «Союз русских академических организаций за границей», также по его инициативе был создан «Комитет по обеспечению русских студентов».

³ Алексей Николаевич Анцыферов (1867–1943) — экономист, статистик, видный деятель кооперативного движения, педагог, общественный деятель, юрист. Эмигрировал в 1920 г. В Праге создал Русский Институт сельскохозяйственной кооперации, был членом Пражской академической группы. Во Франции преподавал на Русском отделении юридического факультета при Парижском университете, возглавлял Русскую академическую группу, а также правление научно-исследовательского кружка «К познанию России», был удостоен премии Парижской академии наук.

¹ Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — экономист, философ права, историк, публицист, юрист, общественный и политический деятель. Депутат Государственной думы второго созыва (1907). После Февральской революции 1917 г. руководил Экономическим департаментом МИД (апрель — май). С декабря 1918 г. член Национального комитета в Финляндии при генерале Н.Н. Юдениче. С апреля 1920 г. начальник Управления внешних сношений Правительства Юга России генерала П.Н. Врангеля. С октября 1920 г. в эмиграции. Профессор Русского юридического факультета при Карловом университете в Праге (1921–1925), преподавал в Русском научном институте в Белграде (1928–1940).

² Алексей Степанович Ломшаков (1870–1960) — русский инженер, профессор Политех-

Тати происходит из рода Татищевых? На кафедре славистики Стокгольмского университета в мои студенческие годы преподавали три выдающихся русских педагога: Александра Эйхе, Израиль Миттельман и покойный Сергей Риттенберг» [5, с. 6]. Сегодня, когда в Европе пытаются замолчать интеллектуальную связь с Россией, это замечание должно побудить западных интеллектуалов задуматься о вкладе представителей русской культуры в европейскую.

**Валериан Валерианович
Оболенский — представитель
СССР в Комитете Лиги Наций по
интеллектуальному сотрудничеству**

В опубликованных биографиях Академика Академии Наук СССР Валериана Валериановича Оболенского (1887–1938 [4], псевдоним — Николай Осинский) мы не нашли данных, что именно он являлся членом Комитета Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству от СССР. Но этот факт подтверждают документы, которые находятся в Архиве ООН в Женеве.

15 июля 1935 года на 17 сессии Комитета Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству присутствовал В.В. Оболенский. В протоколе этого заседания на французском языке отмечается (приводим в переводе на русский язык): «Приятно приветствовать г-на Оболенского-Осинского, представителя Советского Союза. В течение последних нескольких лет Комитет стремился расширить свою деятельность в социальной и экономической областях, и присутствие г-на Осинского будет чрезвычайно полезным в этом отношении, поскольку последний является не только ценным теоретиком, но и обладает богатым практическим опытом, поскольку именно он является лидером в этой области будучи заместителем председателя Комитета по пятилетнему плану. Кроме того, он представляет страну, которая с социальной точки

зрения проводит очень важный эксперимент, который привлекает внимание со всего мира» [11].

В ответном слове В.В. Оболенский заявил, что он «очень благодарен за оказанный ему прием и за комплименты, которые адресованы ему и его стране. Он представляет государство, которое в настоящее время проводит значительную работу по социальному, экономическому и интеллектуальному восстановлению. Больше, чем кто-либо другой, Союз Советских Социалистических Республик нуждается в поддержке мира для выполнения этой гигантской задачи. И, естественно, приложит все усилия для содействия работе, проводимой Комитетом» [11].

Ряд других архивных документов [10] открывает некоторые закулисные аспекты назначения представителя СССР В.В. Оболенского в состав Комитета Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству.

В.В. Оболенского в состав Комитета предложил нарком иностранных дел СССР Максим Максимович Литвинов (1876–1951). Сохранилось письмо от 7 января 1935 года на имя помощника Генерального секретаря Лиги Наций Массимо Пилотти (1879–1962), в котором утверждалось, что «М. Литвинов выразил желание, чтобы в состав Международного комитета по интеллектуальному сотрудничеству вошел советский представитель, приемлемым кандидатом для советского правительства был бы Оболенский (Валериан)...» [10].

С 1928 по 1939 годы Комитет возглавлял английский филолог Гилберт Мюррей (1866–1957), который, получив письмо о том, что СССР предлагает в состав комитета В.В. Оболенского, ответил 9 января 1935 года следующим образом (перевод с английского):

«По правде говоря, я разочарован русским именем, которое предложено нам. Я думал, что есть люди, более выдающиеся в различных науках и не

столь тесно связанные с правительством. Однако, я полагаю, мы должны принять и постепенно позволить российскому правительству привыкать к нам и обретать доверие к нам» [10]. Данный отзыв 11 января 1935 года был отправлен руководителю аппарата Генерального секретаря Лиги Наций Марселю Ходену (1888–1963) с пометкой, что такой отзыв «не должен интерпретироваться как полностью отрицательный» [10].

Рассматривали ли представители Лиги Наций других советских ученых в состав Международного комитета по интеллектуальному сотрудничеству? Можно предположить, что да. Еще 19 ноября 1926 года в газете «Известия» за № 268 (2899) была опубликована небольшая заметка: «Учрежденный французским правительством Институт международного интеллектуального сотрудничества в Париже пригласил в состав своего Комитета исторических исследований акад. Ольденбурга и члена корреспондента Академии Наук проф. Тарле. В задачи института входит восстановление разрушенной мировой войной интеллектуальной связи между народами всего мира» [6]. Возможно, что Сергею Федоровичу Ольденбургу (1863–1934) и Евгению Викторовичу Тарле (1874–1955) делались предложения и о вхождении в состав Международного комитета по интеллектуальному сотрудничеству.

Безусловно, С.Ф. Ольденбург был выдающимся русским и советским востоковедом, филологом, активным деятелем Российской академии наук. С 1904 по 1929 год Ольденбург занимал должность непрямого секретаря Петербургской академии наук, а затем АН СССР. Он сыграл значительную роль в сохранении Академии наук в сложные годы после революции и имел международное признание как ученый, но подтверждений его участия в Лиге Наций или в Международном комитете по интеллектуальному сотрудничеству

Валериан Валерианович Оболенский
(1887–1938)

не найдено. Аналогичная ситуация и с Е.В. Тарле (1874–1955), русским и советским историком, одним из основателей Московского государственного института международных отношений. По найденным источникам, прямых свидетельств о его участии или связи с Лигой Наций или с Международным комитетом по интеллектуальному сотрудничеству в открытых исторических документах и биографических материалах не обнаружено.

Вернемся к В.В. Оболенскому. Неоднозначная оценка от Гилберта Мюррея, вероятно, затормозила процесс назначения В.В. Оболенского членом Комитета Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству, так как письмо от Генерального секретаря Лиги Наций Жозефа Луи Анн Аvenoля (1879–1952) в адрес В.В. Оболенского было направлено только 25 мая 1935 года. Приводим перевод этого письма с французского на русский:

«Совет Лиги Наций на своем заседании 22 мая 1935 г. одобрил доклад

и принял резолюцию, представленные ему его докладчиком, представителем Франции, относительно частичного возобновления работы Комиссии по интеллектуальному сотрудничеству. Имею честь настоящим препроводить вам дополнение к этому докладу и прилагаемую к нему резолюцию.

Как вы видите, Совет назначил вас членом Международного комитета по интеллектуальному сотрудничеству сроком на пять лет. Срок ваших полномочий начнется с открытия следующей очередной сессии Комиссии.

Я был бы признателен, если бы вы любезно предоставили мне возможность сообщить Совету о вашем согласии.

Пожалуйста, примите, сэр, заверения в моем самом высоком уважении» [10].

Также необходимо отметить, что про В.В. Оболенского в процессе согласования кандидатуры в Лигу Наций была передана скудная информация, состоящая из нескольких строк (перевод с французского):

«Оболенский (Осинский) Валериан, член Академии Наук СССР, управляющий Центрального статистического управления, заместитель председателя Государственного планового комитета.

Родился в 1887 году. Окончил юридический факультет (экономическое отделение) в Москве (1911). Председатель делегации СССР на международной экономической конференции (1927). Автор многочисленных научных работ по экономическим вопросам» [10].

Конечно, необходимо было добавить, что В.В. Оболенский имел опыт дипломатической работы: с апреля 1923 года был дипломатическим представителем, а с апреля по октябрь 1924 года — полномочным представителем СССР в Швеции. В 1924–1925 годы находился в командировке в США, изучал сельское хозяйство, устройство шоссежных дорог и автомобилестро-

ение (посетил предприятия Г. Форда). Являлся новатором: выступал за ускоренное развитие автомобилестроения в СССР, в 1929 году стал инициатором строительства Нижегородского (Горьковского) автозавода в сотрудничестве с Ford Motor Company. В период с 1928 по 1937 г. был ответственным редактором журнала «За рулем». Также был организатором научной деятельности: с 1926 по 1927 г. — директор Института мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической академии¹, с 1935 по 1937 гг. — директор Института истории науки и техники Академии Наук СССР [2].

Несмотря на все нюансы, 2 июня 1935 года В.В. Оболенский отправил письмо Генеральному секретарю Лиги Наций Жозефу Луи Анн Авенюлю, в котором отметил: «Я проявляю большой интерес к работе Комитета и с радостью соглашаюсь принять в ней участие. Пожалуйста, примите, сэр, выражение моего глубочайшего уважения» [10] (см. прил. № 1). И, как мы уже знаем, 15 июля 1935 года В.В. Оболенский принял участие в сессии Комитета Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству. По итогам участия в международном мероприятии В.В. Оболенский опубликовал статью «На заседаниях женеvской «Комиссии интеллектуального сотрудничества» [3] в газете «Известия». Данную статью, спустя 90 лет, в полном объеме печатаем вновь (см. прил. № 2).

В статье В.В. Оболенский отмечает, что на сессии Комитета (в статье пишется «Комиссия») обсуждалось два ключевых вопроса: проект договора об «исправлении» учебников истории (данный вопрос заслуживает отдель-

¹ Коммунистическая академия действовала в СССР с 1918 по 1936 г., после учреждения была переведена в Академию наук СССР, так же, как и Институт мирового хозяйства и мировой политики, который просуществовал до 1947 года и стал предшественником созданного в 1956 году Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

ного исследования) и программа исследования отношений между машиной и человеком. В.В. Оболенский в строках статьи критически выступает против обоих проектов, отстаивая принципы исторической правды и подчеркивая принципиально иной, социалистический взгляд на технический прогресс и роль машины в обществе, где она не является средством извлечения прибыли, а служит общественному развитию. В статье Оболенский также заявляет о намерении провести в Москве на одном из заводов диспут на тему «Современные тенденции в развитии промышленной техники». К настоящему моменту не найдены источники, которые бы подтверждали, что такой диспут был проведен.

В.В. Оболенский мог бы внести значительный вклад в развитие науки и техники в СССР, а также в укрепление научных связей между советскими и зарубежными исследователями. Однако 1 сентября 1938 года он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян (посмертно реабилитирован). Также стоит отметить, что в 1939 году СССР был исключен из Лиги Наций на ее двадцатой сессии. Вероятно, именно эти два события стали причиной того, что в советский период вопрос о Комитете Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству остался практически неизученным. И, вероятно, именно поэтому в открытых биографиях В.В. Оболенского нет информации о его участии

в Комитете Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству.

Выводы

Проведенное исследование восстановило малоизвестные страницы истории международного интеллектуального сотрудничества первой половины XX века и ввело в научный оборот ряд ранее неизвестных документов, в том числе материалы, подробно описывающие обсуждение и назначение представителя СССР В.В. Оболенского в Международный комитет Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству.

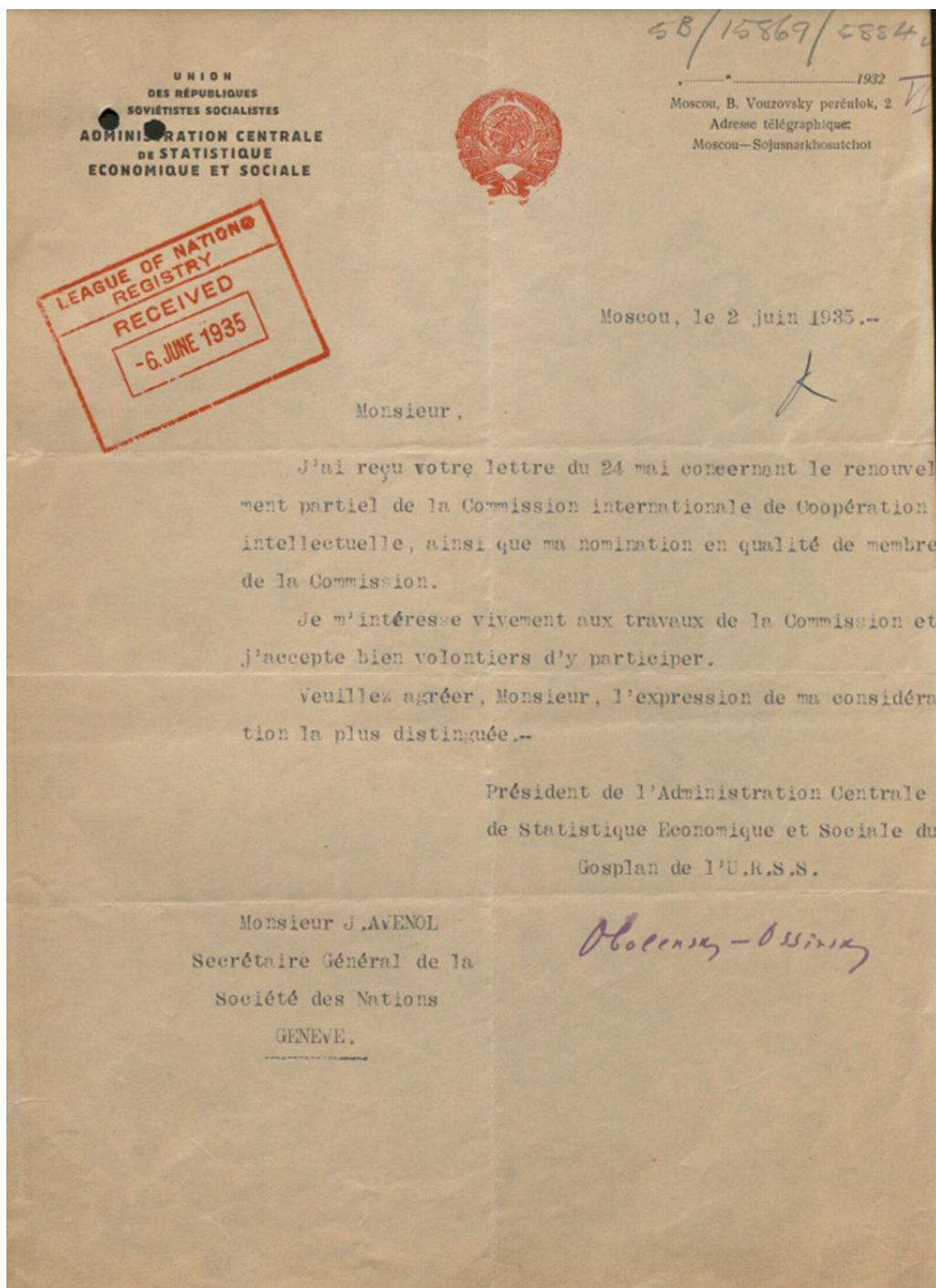
Показано, что российские ученые, не признавшие советскую власть, несмотря на тяжелые политические и экономические условия, играли заметную роль в научных дискуссиях и международном интеллектуальном обмене. В частности, показан пример П.Б. Струве: в рамках работы Комитета он инициировал вопрос о необходимости содействия ученым из разных стран в публикации их исследований. В обсуждении инициативы П.Б. Струве участвовала в том числе и Мария Склодовская-Кюри.

По результатам исследования можно утверждать, что международное научное сотрудничество, научная дипломатия обладают непреходящей ценностью — они функционируют над политическими границами и идеологическими противоречиями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение № 1

Письмо В.В. Оболенского Генеральному секретарю Лиги Наций
Жозефу Луи Анн Авенолу

Перевод

Получено в Лиге Наций — 6 июня 1935 г.
Москва, 2 июня 1935 года.

Господин,

Я получил ваше письмо от 24 мая, в котором сообщалось о частичном обновлении состава Международного комитета по интеллектуальному сотрудничеству, а также о моем назначении членом Комиссии.

Я проявляю большой интерес к работе Комиссии и с удовольствием приму в ней участие.

Пожалуйста, примите, сэр, выражение моего глубочайшего уважения.

Председатель Центрального управления управления экономической и социальной статистики Госплана СССР

[подпись Оболенский — Осинский]

г-н Ж. Авенолю, Генеральному секретарю Лиги Наций. ЖЕНЕВА.

Приложение № 2

«Известия Центрального исполнительного комитета Союза ССР
и Всероссийского Исполнительного комитета советов», № 179 (5732).

От 2 августа 1935 г.

Н. ОСИНСКИЙ НА ЗАСЕДАНИЯХ ЖЕНЕВСКОЙ «КОМИССИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА»

15–20 июля в Женеве происходила Комиссия интеллектуального сотрудничества — это, выражаясь обычным для нас языком, комиссия культурной связи между государствами, входящими в состав Лиги Наций. Задача ее — «развивать сотрудничество народов во всех областях духовной жизни,

дабы обеспечить международное согласие ради сохранения мира». Для осуществления этой задачи Комиссия содействует обмену культурными силами и ценностями: обмену преподавателями и между высшими учебными заведениями отдельных стран, поездкам студентов из одной страны в другую, обмену информацией по вопросам культуры, художественными выставками и т.п. Она помогает библиотекам, музеям, архивам налаживать между собою связь. Она содействует работе международных научных съездов, поддерживая связь с международным советом этих съездов. Она устраивает международные собеседования-диспуты по отдельным культурным проблемам (об искусстве, о народном образовании и пр.), производит обследования на такие же темы и пр.

Отдельно стоит политико-правовая деятельность Комиссии — подготовка проектов различных договоров и конвенций по вопросам культуры. На данной сессии докладывались, например, проекты конвенций, регулирующих радиовещание, авторское право, а также своеобразный проект двустороннего договора об устранении из учебников истории мест, могущих возбуждать недружелюбное отношение к одной из договаривающихся сторон.

На первый раз нам пришлось принять в работах Комиссии по преимуществу информационное участие, в особенности поскольку речь шла о проектах конвенций (что и было нами формально заявлено).

Все же в обсуждении двух вопросов нам пришлось принять более активное участие. Оба эти вопроса одновременно возбудили наибольшие споры. Первый из них — это упомянутый выше проект двустороннего договора насчет учебников истории. Хотя и в этом случае нам пришлось наперед оговориться, что данный проект в СССР не рассматривался, а потому мы не можем участвовать в его голосовании, однако, в порядке

предварительного и личного суждения, нами были сделаны некоторые замечания. Они сводились к глубоким сомнениям в целесообразности и практической ценности принятия такого типового проекта. Это означало бы рекомендовать отдельным государствам приукрашивать и, так сказать, «причесывать» историю — иногда в угоду более могущественному государству, совершившему ряд исторических несправедливостей над более слабым. При заключении подобного договора между СССР и Китаем, говорили мы, по смыслу данного проекта из китайских учебников истории должны были бы быть вычеркнуты все упоминания о насилиях, совершенных российским империализмом над китайским народом, о боксерской экспедиции, захвате Манчжурии и т.п. СССР не только в этом не нуждается, ибо не считает себя ответственным за подвиги старого режима, но и вообще подобные предложения вряд ли можно рекомендовать и поддерживать; историческая правда таковой и должна оставаться. К тому же подобный тип договора при нынешних условиях имеет шансы на осуществление лишь между государствами, находящимися в равных и дружественных отношениях, и в этом случае он практически не имеет значения. А между государствами, находящимися в отношениях недружественных, он вряд ли имеет шансы быть заключенным.

Как уже отмечено, вокруг этого вопроса разгорелась оживленная дискуссия. Подавляющее большинство делегатов поддерживало высказанную нами точку зрения. В особенности энергично поддерживали свое право констатировать историческую истину профессор истории, каковых очень много в составе членов Комиссии. Особенно характерным было выступление китайского делегата. Он отметил, что если начать говорить об «исправлении» учебников в угоду другому государству, то вслед за историей может выступить

на сцену и экономика, а в Китае речь может пойти и о географии. «Я очень прошу поэтому Комиссию, — сказал он, — оставить на своем собственном попечении китайских профессоров истории: так будет гораздо лучше».

Результатом прений оказалось то, что проект вовсе не был поставлен на голосование и был заменен проектом составленной в весьма общих чертах декларации на данную тему, к которой присоединятся те или иные государства.

Вторым пунктом, вокруг которого развернулась еще более оживленная дискуссия, была программа одного из обследований, намеченных к проведению Институтом интеллектуального сотрудничества (при Комиссии имеется постоянный действующий оперативный орган — Институт интеллектуального сотрудничества в Париже; председатель совета института состоит Эдуард Эррио¹ — он же является одним из виднейших членов Комиссии).

Темой обследования было отношение машины и человека («Машина лицом к лицу с человеком» или «Машина и человек» — *La machine devant l'homme* или *La machine et l'homme*). Конкретнее она расшифровывалась как «Приспособление механизации к условиям человеческого труда». В основе лежало следующее определение механизации: «Механизация есть факт опыта, состоящий в том, что органическое в труде вспомоществуется, продолжается, восполняется и заменяется механическим; также в том, что средства человека расширяются за пределы его органических возможностей; это ведет к ускорению труда, следствием которого является расширение производства в количествах, дотоле неизвестных».

Крупнейшие недочеты этого определения бросались в глаза. Оно сводит

развитие производственной техники к одной только механизации, тогда как электрификация, с одной стороны, развитие химических процессов производства, с другой стороны, этим понятием целиком не покрываются. Человеческий труд объявляется исключительно органическим процессом, тогда как физический труд всегда является превращением биологической энергии в механическую, превращением, которое направляется и контролируется психической деятельностью человека (именно это превращение биологической энергии в механическую было отправной точкой для упрощенного и одностороннего построения Деламентри² о «человеке-машине»). В то же время, по смыслу определения, выходит, что механизмируется не объективный производственный процесс, а самый труд человека. И недаром в заключении оказывается, что расширение производства есть следствие ускорения труда, а не ускорения объективных производственных процессов; между тем абсолютно ясно, что хотение хода машин или действия производственного оборудования вообще может влечь за собой как интенсификацию, так и ускорение трудовых процессов³, но именно первое, а не второе непосредственно определяет «расширение производства в количествах, дотоле неизвестных».

Уже цитированная выше формулировка механизации носит отпечаток той машинобоязни, которая в эпоху всеобщего кризиса капитализма стала характерной для европейских предпринимателей, рабочей аристократии,

² Современное примечание от редакции журнала «Русская политология»: имеется в виду французский философ Жюльен Офре де Ламетри (1709–1751) и его трактат «Человек-машина» (*L'homme machine*). Трактат впервые был издан в 1747 году в Лейдене.

³ Кстати сказать, это не обязательно: при большой степени автоматизации производственного процесса роль человека, обслуживающего машины, сводится к наблюдению, контролю и регулированию, с одной стороны, монтажу, ремонту, текущей наладке, с другой стороны.

¹ Современное примечание от редакции журнала «Русская политология»: Эдуард Эррио (1872–1957) — французский государственный и политический деятель, писатель, историк, публицист, академик.

мелкой буржуазии и некоторых слоев интеллигенции. Более усовершенствованная, более производительная машина должна усилить перепроизводство, — вот чего преимущественно опасаются одни; она усилит безработицу и конкуренцию мелким предприятиям, — вот о чем заботятся другие; она механизует, обезличит человека, — вот о чем пекутся третьи. В общем получается некоторый блок разнообразных общественных элементов, устремления которого никак нельзя назвать социально-прогрессивными.

Не только в приведенном определении, но и в том, что обследование предполагалось направить лишь по руслу темы «Машина и человек», а не по руслу, скажем, «Современные тенденции развития индустриальной техники, ее достижения и ее влияние на судьбы рабочего класса», сказывались элементы указанной «машинобоязни». Это и побудило нас выступить с критическими замечаниями относительно содержания намечаемого обследования и теоретического определения, положенного в его основу. В ходе этого выступления, кроме изложенного выше, пришлось отметить, что у нас, в СССР, всякий страх перед машиной отсутствует. Он отсутствует потому, что машина у нас не является частной собственностью и средством повышения прибылей, а рабочий не является привеском машины, но коллективным ее хозяином, как член социалистического общества. Рост применения машин и автоматизации производственного процесса вообще (вот термин, который лучше характеризует суммарный технический процесс, чем термин «механизация») не ведет у нас к росту безработицы, а к росту общественных производительных сил и общего благосостояния. И, вообще говоря, не может быть признана социально-прогрессивной такая точка зрения, которая связана с боязнью машины и сосредоточивает внимание только на отрицательных сторонах расширенного

применения машины в капиталистических условиях. Если на очередь ставится вопрос о машине, то первая проблема, которую надо исследовать в этой связи, есть «Современные тенденции в развитии промышленной техники», в смысле изучения новейших ее завоеваний. Это не исключает, конечно, исследования второй проблемы — влияния технических усовершенствований на судьбы рабочего класса. Но только в том случае можно правильно исследовать вторую проблему, если предпослать этому исследование первой.

Наши замечания вызвали оживленную дискуссию, частью основанную на недоразумениях. Так, один из делегатов принял наше замечание о том, что человеческий труд является не только органическим процессом (и наше упоминание о Деламенттри), за чисто механическое понимание процесса труда; он возражал указаниями на значение психологических его элементов. Другой делегат, поддерживая первого, распространился на излюбленную в некоторых заграничных кругах тему о «культе машины», якобы господствующем в СССР. Третий делегат, отчасти поддерживая нас, предложил переформулировать задачу исследования и изучать «современную механизацию, ее формы и последствия — экономические и социальные». Ему возражали, что изучение всех экономических и социальных последствий механизации сделает обследование слишком широким и расплывчатым.

По данному вопросу выступил также и Эдуард Эррио. Он отрицал, что в формулировке заданий обследования сказывается страх перед машиной. Как можно бояться машины? — говорил он. Машина есть факт и очень древний факт. Когда Архимед изобрел рычаг, он изобрел первую машину. Человек является творцом, изобретателем, усовершенствователем машины. Она — дело его рук, его ума. Нельзя бояться машины, но можно быть озабоченным

некоторыми результатами ее распространения. Для разных стран, разных наций рост машинизма может иметь различные последствия. Одно дело СССР — страна, где население увеличивается в год на 3 миллиона человек и где потребительский спрос далеко еще не достиг насыщения. И другое дело западноевропейские страны, где население стабилизируется и уровень потребления близок к равновесию. Вот почему и представляется полезным изучить действие механизации на положение трудящегося человека и притом конкретно, по отдельным странам.

Пришлось еще раз взять слово пишущему эти строки, дабы осветить перед участниками сессии разницу между механистическим и диалектическим материализмом, отметить, что «культ машины» является досужей фантазией некоторых газетных корреспондентов и заграничных «специалистов по советским делам», констатировать неточность суждений о машине г. Эррио (отождествление орудия труда и машины), заявить, что в социалистическом обществе никакой озабоченности распространением машин нет места, как нет предела росту потребительского спроса и т.п. Мы также продолжали поддерживать предложение о том, чтобы во всяком случае тема «Современные тенденции в развитии промышленной техники» была подвергнута изучению.

В итоге всей дискуссии директор Института интеллектуального сотрудничества г. Бонне¹ предложил

¹ Современное примечание от редакции журнала «Русская политология»: Анри Бонне (1888–1978) — французский политик и дипломат, в 1931–1940 годах — директор Международного института интеллектуального сотрудничества.

Комиссии выдвинутую нами тему сделать предметом самостоятельного параллельного обследования. Научно-техническим обществам и печатным органам важнейших стран будет сделано предложение составить для института доклады и записки по указанному вопросу. Возможна организация международного собеседования диспута на основе собранного материала. Пишущий эти строки взял на себя поставить перед соответствующими советскими организациями вопрос об устройстве такого собеседования-диспута в Москве, при чем один из членов Комиссии выразил нам пожелание, чтобы этот диспут был проведен на одном из московских заводов.

Из вышеизложенного — весьма по необходимости краткого и касающегося лишь небольшой части работ Комиссии — отчета о женевской сессии 15–20 июля читатели могут видеть, что установление связи с этим органом является делом небесполезным. Нашему ВОКС (Обществу культурной связи с границей), с одной стороны, и Академии наук, с другой стороны, следует наладить с ним контакт. Такой контакт может иметь не только общекультурное и политическое значение, но и принести конкретную практическую пользу. В частности, организация двумя названными учреждениями упомянутого диспута с участием видных представителей иностранной техники и науки может значительно способствовать ознакомлению СССР с последними достижениями заграничной технической мысли, а также встречному ознакомлению представителей ее с собственными нашими достижениями.

Литература

1. Горохов А.А. История научной дипломатии: Альберт Эйнштейн и Международный комитет Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству // Русская политология. — 2025. — № 1 (34). — С. 5–28.
2. Оболенский Валериан Валерианович // Большая российская энциклопедия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2283307 (дата обращения: 15.08.2025).
3. Осинский Н. [Оболенский В.В]. На заседаниях женеvской «комиссии интеллектуального сотрудничества» // Известия Центрального исполнительного комитета Союза ССР и Всероссийского Исполнительного комитета советов. — 2 августа 1935 г. — № 179 (5732). — С. 2.
4. Осинский Н. // Сайт Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ihst.ru/projects/sohist/repress/academy/osinsky.htm> (дата обращения: 15.08.2025).
5. Скотт С. Романовы: Царская династия. Кто они были? Что с ними стало? Пер. со швед. М. Николаевой при участии авт. — Екатеринбург: Ларин, 1993. — 349 с.
6. Усиление связи советской науки с французской // Известия. — 19 ноября 1926 года. — № 268 (2899).
7. Committee on Intellectual Cooperation. Minutes of the second session. Geneva, July 26th to August 2nd, 1923 [Комитет по интеллектуальному сотрудничеству. Протокол второго заседания. Женева, 26 июля — 2 августа 1923 г.] // Архив ООН в Женеве. Item C.570.M.224.1923.XII_EN.
8. Committee on Intellectual Cooperation. Minutes of the third session. Paris, December 5th to December 8th, 1923 [Комитет по интеллектуальному сотрудничеству. Протокол третьей сессии. Париж, 5–8 декабря 1923 г.] // Архив ООН в Женеве. C-3-M-3-1924-XII_EN.
9. Institut international de Coopération intellectuelle [Международный институт интеллектуального сотрудничества] // Архив ЮНЕСКО. FR PUNES AG 01-IIICI-CFCE-B-A-2.
10. International Commission on Intellectual Cooperation — Appointment of a Representative of the USSR, Mr. Valerian Obolensky-Ossinsky [Международная комиссия по интеллектуальному сотрудничеству — Назначение представителя СССР г-на Валериана Оболенского-Осинского] // Архив ООН в Женеве. R4026/5B/15869/5884.
11. International Committee on Intellectual Cooperation. 17th session. Provisional Minutes of the 1st meeting. Geneva, July 15th, 1935. [Международный комитет по интеллектуальному сотрудничеству. 17-я сессия. Предварительный протокол 1-го заседания. Женева, 15 июля 1935 г.] // Архив ООН в Женеве. C-I-C-I-17e session-P.V-1_BI.
12. National Committees on Intellectual Cooperation — Lists of Committees [Национальные комитеты по интеллектуальному сотрудничеству — Списки комитетов] // Архив ООН в Женеве. R3975/5B/11412/318.